

ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

И. С. КОНЕВ

Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

Войска Западного фронта под командованием маршала С. К. Тимошенко в июле — августе 1941 года вели напряженные бои с главной ударной группировкой гитлеровцев, рвавшихся к Москве. В кровопролитном двухмесячном сражении противник понес большие потери, и к середине сентября 1941 года его наступление на Москву было остановлено восточнее Смоленска. Смоленское сражение яркой страницей вошло в летопись Великой Отечественной войны.

Особо чувствительный удар получили немецко-фашистские войска в районе Духовщины и Ельни. В начале сентября войска Резервного фронта под командованием Г. К. Жукова нанесли серьезное поражение ельнинской группировке врага. Это благоприятно сказалось на положении наших войск на московском направлении. В то время мне пришлось командовать войсками 19-й армии, которая приняла участие в сражении в районе Духовщины. В приказе командующего Западным фронтом за № 02/ОП от 17 августа 1941 года были отмечены успешные действия наших войск. Заканчивался приказ обращением Военного совета фронта: «Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смелее и решительнее развивайте наступление». В приказе

№ 03/ОП войскам Западного фронта сообщалось о потерях врага; войска 19-й армии в этих боях уничтожили 130 танков, много орудий и минометов, враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. «Дни легких побед врага уже миновали. Немецко-фашистские войска знают это» — таков был вывод.

Я привожу эти выдержки из приказов как подтверждение того, что советские войска в июле — августе 1941 года не только выдержали натиск врага на московском направлении, но и нанесли ему серьезные ответные удары. Хотя немецко-фашистской группе армий «Центр» и удалось за эти два месяца продвинуться на восток от Днепра на 170 километров, но это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля и снизили темпы его наступления до 6—7 километров вместо планировавшихся 30 километров в сутки. Группа армий «Центр» была вынуждена перейти к обороне.

12 сентября 1941 года я был назначен командующим войсками Западного фронта. Прибыв в штаб фронта, который размещался в Касне, я не застал там командующего фронтом маршала С. К. Тимошенко. Он был назначен главнокомандующим Юго-Западного направления и уже отбыл к месту своего назначения. Так что фактически принять дела от своего предшественника мне не удалось.

Обстановку доложил начальник штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский. В составе Западного фронта в тот период находились 16, 19, 20, 22, 29 и 30-я армии. Войска фронта оборонялись на рубеже озеро Пено — Андреаполь — Ломоносово — Ярцево — Новые Яковлевичи. Основные силы фронта — 16, 19, 20 и 30-я армии прикрывали непосредственно московское направление. Группировка войск имела следующее положение: в первой линии обороны стояло 23 дивизии, в том числе 2 кавалерийские; в армейском и фронтовом резервах было 8 стрелковых, 1 кавалерийская и 2 танковые дивизии (около 190 танков старых конструкций); имелось еще 5 танковых бригад, в которых насчитывалось около 260 танков, преимущественно также устаревших конструкций — Т-26 и БТ-7 (они имели легкую броню и по своему вооружению и маневренности значительно уступали немецким). Правее — севернее Осташкова — вели оборонительные бои войска 27-й армии Северо-Западного фронта. Левее — на рубеже верхнего течения Десны от Ельни до железной дороги

Рославль — Киров — занимали оборону войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта. Остальные четыре армии этого фронта занимали оборону в глубине за Западным фронтом по линии Осташков — Оленино — Ельня, составляя резерв Верховного Главнокомандования на Западном направлении.

К исходу третьего дня моего пребывания на посту командующего Западным фронтом я был вызван в Ставку к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Встреча происходила в присутствии членов Государственного Комитета Обороны. Сталин попросил меня кратко информировать об обстановке на фронте и о положении войск. В ходе беседы обсуждался также ряд вопросов, непосредственно не относящихся к делам фронта: они касались общих проблем строительства Советской Армии. Обсуждался также вопрос, не следует ли создать отдельные ордена для награждения командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также всего офицерского состава. Сталин спросил меня, как я смотрю на то, чтобы учредить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и члены Государственного Комитета Обороны. Не откладывая дела, Сталин тут же поручил начальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулеву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Советской Армии.

Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки.

Вернувшись в штаб фронта, я занялся практическими делами: укреплением обороны. 19 сентября мы дали директиву командармам, в которой указывалось, что агентурой и авиационной разведкой установлен подход к фронту новых частей противника, в частности в районе Духовщины на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня — Кардымово и на левом фланге 20-й армии. Приказывалось на участках всех армий активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки, главным образом ночью, сильными отрядами (усиленная рота, батальон); действиями разведки и отдельных отрядов держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовать работу штабов. Приказывалось уточнить группировку противника, его стыки, резервы перед фронтом армий и его ближайшие намере-

ния. В это же время был осуществлен ряд мероприятий, связанных с усилением обороны. К ним относится в первую очередь переход на траншейную оборону: это значит, что войска в обороне должны делать траншеи, а не только одиночные окопы — ячейки.

Практика показала, что изолированные ячейки не оправдывают себя и наиболее разумная форма оборонительных сооружений — траншеи с ходами сообщения. Это дает возможность командирам проводить скрытый маневр как живой силой, так и огневыми средствами. Оборонительные полосы усиливались инженерными средствами и минами, которыми фронт, к сожалению, был обеспечен недостаточно. Создавалась система артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Было дано указание создавать противотанковые районы.

Таким образом, командармы получили указание создать прочную оборону с выводом части войск в резерв. Одновременно велась большая работа по ремонту вооружения и боевой техники, особенно танков и артиллерийских орудий.

Несмотря на принятые меры, плотность обороны была явно недостаточной. Ощущался острый недостаток артиллерии. Обеспеченность противотанковыми средствами (в то время ими являлись бутылки КС) тоже была слабой. Словом, с организацией противотанковой обороны дело обстояло очень плохо.

А тут еще по указанию Ставки пришлось передать две дивизии из созданных армейских и фронтовых резервов, дислоцированных в районе Вязьмы; эти дивизии перебрасывались на Юго-Западное направление.

По поводу резервов у меня состоялся разговор с начальником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым.

«Шапошников. В связи с переходом вас к временной обороне Верховный Главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?»

Конев. Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование еще не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

Шапошников. Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев. Могу выделить с большим ущербом для фронта

64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнов. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать ее мотострелковой дивизией».

Дальше Шапошников просил охарактеризовать состав дивизий фронта, выведенных в резерв. Я сообщил ему, что 1-я мотострелковая дивизия имеет два мотострелковых полка, танковый полк и артиллерийский полк; мотострелковые полки насчитывают по 600 человек; танковый полк имеет 45 танков старых образцов; 64-я стрелковая дивизия имеет в каждом полку по 900 человек; гаубичный артиллерийский полк имеет большой некомплект среднего и младшего состава. Младший комсостав производим из красноармейцев. Всего в резерв фронта выделены три стрелковые, две танковые и одна мотострелковая дивизии.

«Шапошников. Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую кроме 64-й можете дать в резерв Ставки?»

Конев. Из стрелковых дивизий выделить больше никого не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Прошу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Все, что могу сделать для их укомплектования, — сделаю из внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу. Ваши указания — побольше выделить резервов — сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулеметного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130—200 человек. Ваши указания приму к исполнению и все, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но еще стабильность не достигнута. Идут напряженные бои почти на всем фронте армии. Поэтому резервы на правом фланге иметь крайне необходимо, но сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой в направлении Ивашков на участке 22-й армии, с тем чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Прошу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Все».

Я думаю, что этот разговор довольно ясно характеризует обстановку, состояние обороны и положение войск Западного фронта к двадцатым числам сентября 1941 года.

Продолжая укреплять оборону, мы внимательно следили за характером и поведением противника, вели разведку всех видов — и авиационную и войсковую. К 23 сентября в штабе фронта сложилось твердое мнение, что противник готовится к наступлению и создает группировку войск перед Западным и Резервным фронтами. В связи с этим 25 сентября на имя Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина штаб фронта отправил донесение о перегруппировке авиации противника с просьбой усилить фронт авиацией. Вот оно:

«1. За последние дни противник явно усилил сосредоточение частей перед войсками Западного фронта. В течение 22—24 сентября авиаразведкой установлено усиленное выдвижение мотомехколонн противника в направлениях Смоленск — Ярцево — Духовщина — Белый. За этот же период отмечается усиление авиации противника перед Западным фронтом. Базирование авиации вскрыто на аэродромах: Смоленск, Шаталово, Боровская, Орша, Витебск, Каменка, Зубово. Сосредоточение авиации противника перед Западным фронтом также подтверждено сегодня донесением начальника штаба ВВС, где указано, что, по данным англичан, на 25. 9. 41 года немцы перебросили на смоленское направление с Ленинградского и Южного фронтов до 300 одномоторных, двухмоторных истребителей и 90 пикирующих бомбардировщиков.

2. ВВС Западного фронта на 25. 9. 41 года в своем составе имеет исправных истребителей — 106, бомбардировщиков — 63, из них: ТБ-3 — 26 машин; СБ, которые можно применять только ночью, — 28. Дневных бомбардировщиков ТУ-2 всего только 5, СУ-2 только 4, разведчиков — 11, штурмовиков — 8. Авиация Западного фронта интенсивно действовала по войскам противника и 24. 9. 41 уничтожила до 50 вражеских самолетов на северном и южном аэродромах Смоленска, в связи с чем после этого удара активность авиации противника резко понизилась.

3. В связи с явным усилением авиации противника и сосредоточением значительных войск перед фронтом и необходимостью своевременного уничтожения авиации противника на аэродромах, прошу выделить фронту хотя бы один полк ТУ-2 для дневных бомбардировок и один полк ИЛ-2 для штурмовых действий по мотомехчастям противника.

Кроме того, прошу ускорить комплектование матчастью 61 ШАП, находящейся в Воронеже, и 29 АП, находящейся в Вологде.

Конев, Лестев. 25. 9. 41 года».

26 сентября фронт вновь направил донесение Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину и начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову:

«Главверху товарищу Сталину. Нач. генштаба товарищу Шапошникову. 26. 9. 41 года, 15.30. Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск — Смоленск — Кардымово и по шоссе Минск — Смоленск — Ярцево — Бобруйск — Рославль.

2. Создает группировки: против Западного фронта на фронте 16, 19 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, на спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленска — Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного летчика, до 100 дивизий всех родов войск. (Последнее утверждение летчика показалось нам маловероятным, но впоследствии оно подтвердилось. Действительно, противник сосредоточил на московском направлении до 80 дивизий, так что пленный ошибся не очень намного. — И. К.)

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления (показания пленного летчика).

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на ярцево-вяземское направление, в район ст. Дорогобуж и севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтовые резервы ограничены: всего четыре СД и три ТБР. Прошу сообщить, будут ли даны фронту дополнительные резервы, в каком количестве и когда?

Конев, Лестев, Соколовский».

В соответствии с нашими выводами о подготовке противником наступления я отдал 26 сентября приказ командующим 16, 19, 20, 22, 29 и 30-й армиями. Этот приказ также считаю долгом воспроизвести здесь:

«Имеющимися данными, противник создает сильную группировку танков, авиации, пехоты в районах Духовщина, Смоленск, Задня, Ярцево, имея в виду в ближайшие дни перейти в наступление в общем направлении — Вязьма. Приказываю:

1. Усилить бдительность и всеми видами разведки вскрыть группировку и направление ударов противника.
2. Подготовить артиллерию для контрподготовки.
3. Тщательно продумать и подготовить вопросы противотанковой обороны, а также частных и общих контр-атак.
4. Подготовить противовоздушную оборону для отражения атак авиации противника.
5. Получение и мероприятия донести...

Конев, Лестев, Соколовский. 26. 9. 41 года».

27 сентября Военный совет фронта, проявляя заботу об усилении обороны войск, отдал боевое распоряжение командующим армиями. В этом распоряжении приказывалось мобилизовать все силы армий, дивизий, включая и тыловые части и учреждения, с целью закопать все прочно в землю с окопами полного профиля в несколько линий, с ходами сообщений, с проволочными заграждениями, противотанковыми препятствиями, дзотами. За счет развития оборонительных сооружений предписывалось постепенно умножать армейские резервы.

Лучшее развитие обороны в инженерном отношении, организация системы огня, безусловно, дают экономию в войсках. Только так можно было накопить армейские резервы. Необходимость в них была чрезвычайно велика.

Командование фронта ежедневно докладывало в Ставку о готовящемся наступлении противника, о принимаемых нами мерах и планах оборонительных действий и просило Ставку усилить фронт танками, авиацией, а также ориентировать нас, на какое усиление Западный фронт может рассчитывать.

Приведу выдержки из одного из этих донесений:

«В случае перехода противника в общее наступление с нанесением главного удара в смоленско-вяземском и вспо-

могательном ржевском направлениях план оборонительных действий фронта предусматривает:

1. Жесткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника.

2. В случае прорыва противника в глубину бить его на подготовленных в глубине оборонительных рубежах с одновременным контрударом фронтовых резервов.

3. Контрудары намечено провести:

а) в ржевском операционном направлении в районе Белый силами 107 и 251 СД при поддержке частей 30-й армии. В случае необходимости для контрудара будет привлечена 243 СД 29-й армии;

в) в вяземском операционном направлении к западу от Вадино и Издешково силами: 134, 152, 101 МСД, 126, 128, 143, 147 ТБР и 45 КД, которые к 1. 10. 41 будут сосредоточены в районе Вадино. Контрудар в этом направлении будет поддержан 16-й и 19-й армиями и всеми силами ВВС фронта.

4. При неуспешности контрударов борьба переносится на подготовленный армейский тыловой рубеж р. Вопь и Вопец и далее Анисимово, Красный Холм, Неквасино, с созданием необходимых резервов для устойчивой обороны.

5. При наличии успеха и ликвидации наступления противника на одном из направлений освободившиеся силы будут использованы для контратак на другом направлении и на усиление другого направления. (Имелось в виду маневрирование силами: брать их с неатакованных участков и бросать против наступающего противника на тех направлениях, на которых он развивает удар.— И. К.)

6. Для усиления контрударных групп фронта прошу направить в мое распоряжение 30 танков КВ, танков Т-34 и два авиационных полка: один полк штурмовиков и один полк дневных бомбардировщиков. Кроме того, прошу сообщить, на какое усиление Западный фронт может рассчитывать в процессе операции.

Конев, Лестев, Соколовский».

Все эти соображения по усилению фронта командование фронта доложило также маршалу Шапошникову в № 002397 от 28 сентября. Наши запросы к Ставке были очень скромны, несмотря на то что обстановка складывалась сложная и готовящаяся к наступлению группировка противника представлялась нам, по всем данным, весьма сильной. В ответ на все наши донесения Ставка направила командованию фронта одну директиву; в ней обращалось внимание на

укрепление обороны и на подготовку войск к отражению наступления противника. Никакого усиления фронт не получил и каких-либо других указаний из Ставки не последовало.

Каков же был план немецко-фашистского командования и какова была группировка войск, которую враг готовил для наступления на Москву?

Как известно, противник сосредоточил на московском стратегическом направлении очень крупные силы. Это была миллионная группировка войск в составе 77 дивизий. Непосредственно на Москву наступало 48 отборных, хорошо укомплектованных дивизий. Численное превосходство было на стороне противника, особенно на направлении главных ударов, где противник превосходил нас по живой силе в 5 раз, по орудиям — в 3 раза, по авиации — также почти в 3 раза. Выше мы уже говорили о том, что по танкам как в количественном, так и в качественном отношении мы значительно уступали противнику. Все это давало ему большие преимущества. Надо также учитывать и то обстоятельство, что противник имел превосходство в подвижности войск. Гитлеровцы располагали большим автотранспортным парком. Наши же части и соединения, артиллерия и тылы обслуживались преимущественно конной тягой.

В сентябре 1941 года, после того как на ленинградском и киевском направлениях гитлеровцам удалось достичь крупного успеха, немецко-фашистское верховное командование, считая свои стратегические фланги достаточно обеспеченными, приступило к подготовке удара на Москву. В своей директиве № 35 от 6 сентября 1941 года оно поставило следующую задачу перед группой армий «Центр»: «Подготовить решающую операцию против группы армий Тимошенко (т. е. Западного фронта.— И. К.) — чтобы по возможности быстрее в конце сентября перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». В директиве указывалось, что «после того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, прижимая правым флангом к р. Оке, а левым — к верхнему течению р. Волги».

Во исполнение этой директивы командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Бок 16 сентября издал директиву № 1300/41 о подготовке наступления на Москву. Как известно, операция на московском направлении получила в директиве секретное наименование «Тайфун».

Главной целью операции «Тайфун» было сокрушительным ударом разгромить советские войска на московском направлении, танковыми ударными группировками окружить наши войска западнее Москвы, в районе Вязьмы и Брянска. В директиве от 7 октября 1941 года командование группы армий «Центр» отдало приказ о продолжении операции на московском направлении и соответственно уточняло задачи войскам. Враг планировал без всякой паузы стремительно наступать на Москву, окружить и взять ее. В приказе группы армий «Центр» от 14 октября 1941 года говорится о конечных оперативных целях противника на московском направлении.

Из приказа видно, что фашисты рассчитывали не только захватить Москву, но и выйти на рубеж Рязань — Орехово-Зуево — Загорск — Волжское водохранилище, а своими передовыми частями достичь линии восточнее Рязань — Юрьев-Польский — Переславль-Залесский и далее по реке Нерли до Волги севернее Кимр. Но и этим не ограничивались планы противника. Его моторизованные части нацеливались захватить Ярославль и Рыбинск.

Я подробно рассказываю о планах врага, чтобы яснее был виден подвиг нашего народа и армии, разгромивших гитлеровцев под Москвой.

Враг был в зените своей военной мощи. Используя ресурсы покоренных стран Европы, он готовился к решающему сражению. Группируя большие силы на московском направлении, противник рассчитывал закончить войну до наступления зимних холодов. Гитлер, упоенный победами на Западе, надеялся на легкий успех. Он переоценил свои силы и недооценил силы Советской Армии, возможности Советского Союза, моральный дух нашего народа.

Но вернемся к делам фронта. Перед началом оборонительного сражения, в конце сентября, члены Военного совета фронта объехали войска. Я выехал на московское направление, которое, как уже говорилось, прикрывали 16, 19, 20 и 30-я армии. Мы вместе с командармами, членами военных советов армий и начальниками штабов еще раз проверили готовность частей отразить наступление противника. У всех

нас было единое мнение, что войска будут драться стойко и мужественно, не допустят врага в Москву.

Мне особенно запомнился разговор с командующим 20-й армией Ф. А. Ершаковым и членом Военного совета Ф. А. Семеновским. Я обратил их внимание на левый фланг 20-й армии, имевшей разграничительную линию с 43-й армией Резервного фронта, и просил Ершакова смотреть на юг и на уступе своей армии иметь в резерве одну дивизию. Ершаков сказал, что понимает, какая ответственность лежит на нем за стык с Резервным фронтом. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить выхода противника во фланг и тыл Западного фронта»,— сказал он.

Я знал Ершакова хорошо, мы вместе учились в Военной академии имени Фрунзе. Это был волевой и подготовленный военачальник, и я был уверен, что он сдержит свое слово.

Наступление немецко-фашистских войск началось 30 сентября ударом танковой группы по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки.

На рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начал наступление против войск Западного и Резервного фронтов. Здесь действовали основные силы группы «Центр». Одновременно с атаками переднего края противник наносил сильные авиационные удары нашим тылам.

Основной удар (силами 3-й танковой группы и пехотных дивизий 9-й армии) противник нанес в направлении Канютино — Холм-Жирковский, т. е. в стык 30-й и 19-й армий. Чтобы представить силу удара врага, достаточно одного примера: против четырех стрелковых дивизий 30-й армии противник ввел в сражение 12 дивизий, из них три танковые и одну моторизованную общей численностью 415 танков. Войска 30-й и 19-й армий проявили огромное упорство, стойко удерживали свои позиции. Но большое превосходство врага в силах вынуждало нас отходить.

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10—15 километров. В результате авиационного удара по командному пункту фронта, находившемуся в Касне, у нас были потери, но так как все средства связи были укрыты под землей, а руководящие работники штаба были заранее рассредоточены, управление войсками не было нарушено. С утра по моему распоряжению силами 30-й, 19-й

армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И. В. Болдина (в состав этой группы входили три танковые бригады, одна танковая и одна стрелковая дивизии, в общей сложности до 250 танков старых образцов), был нанесен контрудар с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положения не изменили. Наши контрудары оказались безуспешными. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, нанеся контрудар. Правда, 19-я армия на большей части своего участка фронта отбила все атаки врага. Однако противник овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булешова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта.

Второй удар противник нанес на Спас-деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецко-фашистской танковой группы и 4-й армии, тесня к северу и востоку соединения наших 33-й и 43-й армий, вышли на линию Мосальск — Спас-Деменск — Ельня. Для Западного фронта и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта сложилась очень тяжелая обстановка.

К утру 4 октября совершенно отчетливо определилось направление удара противника: от Спас-Деменска на Вязьму. Таким образом, обозначилась угроза выхода крупных танковых группировок противника в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта с юга, из района Спас-Деменска, и с севера, из района Холм-Жирковского. 16-я, 19-я и 20-я армии Западного фронта оказались под угрозой окружения. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта.

Я доложил по ВЧ И. В. Сталину об обстановке на Западном фронте, о прорыве обороны в направлении Холм-Жирковский и на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 16-й, 19-й и 20-й армий Западного фронта. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба маршалом Б. М. Шапошниковым и доложил ему обстановку. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало (дословно

привести этот разговор я, к сожалению, не могу, так как в архивах Министерства обороны он до сих пор не обнаружен).

Командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое потом было утверждено Ставкой. В соответствии с этим были даны указания командующим 16-й, 19-й, 20-й и 30-й армиями об организации отхода.

Здесь мне хочется внести ясность в вопрос о положении 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский.

Управление и штаб 16-й армии К. К. Рокоссовского еще до вяземского окружения моим приказом выводились в район Вязьмы, имея задачу объединить под командованием Рокоссовского подходящие из глубины резервы и выходящие из окружения группы. 16-й армии ставилась задача организовать оборону на рубеже Сычевка — Гжатск.

Вот этот приказ:

«Командармам 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 СД, 147 ТБР, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК. Задача армии задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не пропустить его севернее рубежа Путьково — Крутые — Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести.

Конев, Булганин, Соколовский. 5. 10. 41».

Были приняты все меры, чтобы приказ до Рокоссовского дошел своевременно и чтобы его штаб успел выйти из-под угрозы окружения. Для проверки выполнения этого приказа я послал в штаб Рокоссовского подполковника Чернышева, который донес по радио, что приказ Рокоссовским получен. Сам же Чернышев, возвращаясь в штаб фронта, где-то по пути погиб. Память об этом боевом офицере, не раз выполнявшем ответственные поручения командования фронта, я всегда храню в своем сердце.

Одновременно с выходом управления 16-й армии в район

Вязьмы прибыли части 50-й стрелковой дивизии. Моим распоряжением эта дивизия из состава 19-й армии перебрасывалась в район Вязьмы, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения. Но пока собирали незначительный армейский автотранспорт, время ушло, и, к сожалению, срок успели прибыть только два стрелковых полка и артиллерийский полк. Остальные части этой дивизии были отрезаны наступающим противником и тоже оказались в вяземском окружении. Дивизии, перечисленные в приказе Рокоссовскому, не сумели выйти полностью в назначенные районы. При выходе в район Вязьмы они ввязались в бои с мотомеханизированными частями противника и под ударами его превосходящих сил понесли значительные потери. Но и после этого они продолжали сражаться частично внутри кольца окружения, частично вне его — на рубеже Сычевка — Вязьма.

К этому времени Ставка подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта.

31-я армия к моменту передачи в состав Западного фронта имела четыре стрелковые дивизии и занимала оборону на рубеже Осташков — Сычевка. В ходе оборонительного сражения силы армии были переподчинены: 249-я стрелковая дивизия под командованием полковника Тарасова — 22-й армии, а остальные дивизии — 29-й армии. Управление 31-й армии было выведено в резерв фронта в район Торжка и впоследствии использовано на калининском направлении.

Выполняя приказ, войска нашего фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре. Здесь были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, Военный совет фронта представлял все трудности выполнения задачи. Дело в том, что отход — самый сложный вид боя. При отходе требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. К сожалению, до войны наши войска очень редко изучали этот вид боя, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались, если будет война, воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса

противника подошли к Вязьме: 56-й с направления Холм-Жирковский, а 46-й и 40-й — с направления Спас-Деменск.

Хотя войска отступали в основном организованно, без паники, в этой сложной обстановке выполнить маневр отхода оказалось крайне затруднительно. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта, как я уже отмечал раньше, имели только конную тягу, отходить в высоком темпе мы были не в силах, не говоря уже о том, что это было бы просто неправильно — на плечах поспешно отходящих войск враг легко мог бы ворваться в Москву. Превосходство в подвижности было явно на стороне врага. И быстро продвигающиеся гитлеровские корпуса отрезали путь нашим частям. Вследствие этого к 7 октября оказались в окружении дивизии 19-й и 20-й армий Западного фронта, войска 24-й и 32-й армий Резервного фронта и понесшая тяжелые потери в боях в районе Холм-Жирковского группа Болдина.

8 октября мной было приказано окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска.

Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери (надо помнить, что они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника), отдельными группами отходили к Волоколамску.

Переданная нам из Резервного фронта 32-я армия оборонялась на рубеже Днепра. Установив связь с командармом С. В. Вишневым, я дал ему указание, чтобы он при выходе из окружения координировал свои действия с командующим 19-й армией М. Ф. Лукиным. На последнего была возложена и задача объединить действия всей нашей группировки к западу от Вязьмы с целью организованного отхода наших войск на восток в направлении Сычевки или Гжатска. Командующему 20-й армией Ф. А. Ершакову было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом в тылы вражеской группировки, которая к этому времени главными силами приближалась к району Вязьмы.

Отдавая приказ 19-й, 20-й и 32-й армиям пробиваться из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма — Москва, не соединяя армий в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Мы стремились к тому, чтобы не дать противнику возможности сузить кольцо окружения. На обширной территории можно было маневрировать, сдерживать активной борьбой превосходящие силы гитлеровцев. Конечно, борьба

в окружении сложна, но если под давлением условий приходится идти на такую форму борьбы, то важно не бояться сложности обстановки и бить врага и в этих трудных условиях. В маневренной войне такая форма борьбы возможна, ее не исключает и современное военное искусство.

В окружении наши войска продолжали ожесточенные бои, отбивая непрерывные атаки противника. Как явствует из немецких документов, а также из доклада командарма М. Ф. Лукина и донесений того периода, активные действия наших войск, попавших в окружение, сковали значительные силы противника, нацеленные на Москву.

К 9 октября войска правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я и 31-я армии) с ожесточенными боями отошли на рубеж Селижарово — Ельцы — Оленино — Сычевка. Здесь отход войск проходил более организованно.

Во время смены командного пункта фронта в ночь с 5 на 6 октября мы с членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным прибыли в район Гжатска и первым делом решили встретиться с маршалом С. М. Буденным, командующим Резервным фронтом. Командный пункт был подготовлен в блиндажах в лесу восточнее Гжатска. Однако Буденный находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике, который охранял танк КВ. Мы хотели узнать о мерах, которые принимает командование Резервного фронта в связи с тяжелым положением, создавшимся на участке 43-й армии. По данным, полученным нами из генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка — Гжатск должна была находиться 49-я армия Резервного фронта. Но, как выяснилось в разговоре с Буденным, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск — Сычевка не оказалось.

С одобрения Ставки штаб Западного фронта был переведен в район Красновидова, западнее Можайска.

На новый командный пункт прибыли представители ГКО: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и другие. В. М. Молотов стал настойчиво требовать, чтобы я немедленно отводил войска, которые сражаются в окружении, на гжатский рубеж и пять-шесть дивизий передал в резерв Ставки. Однако в эти трудные дни, когда шло ожесточенное сражение в районе Вязьмы, фронт не мог выделить резервы для Ставки, не имел возможности вывести из боя ни одной части. И кроме того, еще до прибытия комиссии в штаб фронта я уже отдал

распоряжение командующим 22-й и 29-й армиями выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Позже эти дивизии обороняли Москву с северо-запада, отражая наступление противника на калининском направлении.

Историки, работая над материалами о битве под Москвой, неизбежно задаются вопросом о причинах тяжелого положения, в которое попали наши войска на московском направлении в начале октября 1941 года. Мне хотелось бы кратко изложить свое мнение об этом.

Первое. Напомню, что стратегическая инициатива на всем советско-германском фронте в то время находилась в руках противника. Превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, было на стороне врага, в том числе и на Западном фронте. Мы не имели достаточного количества вооружения, боеприпасов и боевой техники. Артиллерийская и танковая плотность на один километр была незначительной: танков — 1,6, орудий — 7, противотанковой артиллерии — 1,5; запасы боеприпасов к началу наступления противника в некоторых частях и соединениях составляли от половины до двух боекомплектов.

Второе. Западный фронт был очень растянут. Обороняющиеся части имели большой некомплект личного состава, а в глубине фронт не располагал достаточно сильными резервами. Я уже говорил, что из созданного нами в районе Вязьмы резерва в конце сентября две дивизии были направлены на Юго-Западный фронт.

Третье. Прорыв немецко-фашистских войск в районе Спас-Деменска дал возможность соединениям противника глубоко войти в тыл Западного фронта. Резервный же фронт на этом направлении резервами не располагал. Там вообще, как оказалось, не было никаких войск. К этому надо добавить, что в полосе Резервного фронта передний край обороны, занимаемый 43-й армией, оказался очень слабым, с недостаточно развитой глубиной обороны и недостаточным количеством артиллерии и танков. В оперативной глубине обороны на гжатском рубеже также не было войск, так как 49-я армия Резервного фронта уже в ходе Московского сражения была перебросена на Юго-Западное направление.

Возникает вопрос: почему противник, добившись в начале октября 1941 года немалых успехов, все-таки не сумел развить наступление на Москву?

Прежде всего потому, что войска Западного фронта ока-

зали ожесточенное сопротивление врагу. Они дрались мужественно и стойко и, самое главное, не бежали. Ценой жизни они спасали столицу своей Родины Москву. Некоторые пытаются объяснить это чудом, но чудес, как известно, не бывает. Несмотря на тяжелую обстановку для наших войск, действовавших на московском направлении, им предстояло любой ценой задержать противника, чтобы выиграть время для организации обороны на Можайском рубеже и дать возможность развернуть подходящие из глубокого тыла резервы. И они эту задачу выполнили.

Уже после войны я читал директиву группы армий «Центр» от 15 сентября 1941 года № 1340/41. В ней обращалось особое внимание на то, «что при отступлении противника с занимаемых им позиций наши войска должны немедленно преследовать его». То есть имелось в виду полное использовать неблагоприятную обстановку отхода советских войск. Но гитлеровцам это не удалось. На Можайском рубеже и в окружении под Вязьмой наши войска своим упорным сопротивлением задержали на 7—9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по усилению обороны московского направления.

До 28 дивизий группы армий «Центр» были втянуты в сражение против окруженных войск. Это документально доказано картами, захваченными у противника. Благодаря героическому сопротивлению окруженных 19, 20, 24, 32-й армий гитлеровцы несли большие потери. После войны уже на основании документов можно было установить, что немецкое командование к этому времени располагало для развития наступательных действий на Москву всего несколькими дивизиями. Главные же силы группы армий «Центр» были скованы войсками Западного фронта. В этих сражениях враг нес тяжелые потери. Есть, например, прямые показания командира 7-й немецкой танковой дивизии, который в своем донесении командованию открытым текстом сообщает: «Натиск Красной Армии в направлении Сычевки настолько был сильным, что я ввел последние силы своих гренадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронта и я вынужден буду отойти». Есть много и других фактов и документов, свидетельствующих о героизме и доблести войск, попавших в окружение. Войска 19, 20, 24 и 32-й армий — это воины-герои, и перед ними все мы склоняем головы.

Я вспоминаю донесения находившегося в окружении командарма-19 генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина: «Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона». А сам он, будучи в бессознательном состоянии, раненный в ногу и руку, которые потом были ампутированы, попал в плен. Героизм М. Ф. Лукина в боях в период окружения, его мужественное поведение в плену достойны самой высокой оценки. Вот что рассказывает он: «19-я армия с начала наступления немцев, со 2 по 13 октября, не была расчленена на части и во все тяжелые дни сохранила свою целостность как армия, не теряя связи ни с частями, ни с фронтом. 13 октября она стала выходить из окружения отдельными группами, по приказу Военного совета Западного фронта».

Таким образом, героическое сопротивление наших войск в районе Вязьмы задержало наступление противника на Москву. Это дало возможность Ставке сосредоточить силы на Можайском рубеже и дать отпор врагу. Только к середине октября на рубеж Можайск — Малоярославец начали подходить резервы Ставки, а до этого войска Западного фронта своими силами сдерживали натиск немецкой группировки, вавшейся к Москве.

Бои в районе Вязьмы продолжались. Часть личного состава окруженных дивизий вырвалась из вражеского кольца и соединилась со своими войсками.

К этому времени Ставке стало совершенно ясно, что необходимо объединить два фронта — Западный и Резервный — в один, под единым командованием. Все собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта: член Военного совета Н. А. Булганин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. М. Василевский, я (начальник штаба фронта В. Д. Соколовский на этом совещании не присутствовал: он был в районе Ржева, выполняя оперативное задание), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хожлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский».

Эти предложения были одобрены Ставкой, и командование Западным фронтом было возложено на генерала армии Г. К. Жукова. Он руководил оборонительным сражением под Москвой. Он же организовывал контрнаступление на московском направлении. Военный совет Западного фронта решил, что мне следует отправиться на калининское направление, объединить руководство боевыми действиями 22, 29, 30 и 31-й армий и принять необходимые меры к задержанию врага в районе Калинина.

Рано утром 12 октября я проехал через Москву в Калинин.

Какова же была обстановка на калининском направлении?

10 октября главные силы 3-й танковой группы противника были повернуты из района Сычевки и наступали в общем направлении на Калинин. 9-я армия противника частью сил продолжала вести бои в районе Вязьмы, но также получила задачу наступать в общем направлении на Калинин. 10 октября из района Сычевки в направлении Зубцов — Старица — Калинин перешли в наступление 41-й немецкий моторизованный корпус, две танковые и одна моторизованная дивизии. Неблагоприятные для нас события и на калининском направлении развертывались быстрыми темпами. Днем 12 октября части 41-го моторизованного корпуса заняли Погорелое Городище и Зубцов, а к вечеру — Лотошино и Старицу и передовыми подразделениями выдвинулись к Калинин. Непосредственно за подвижными соединениями в направлении Калинина выдвигались пехотные дивизии 6-го и 27-го немецких армейских корпусов 9-й армии. Прорыв противником Западного фронта на калининском направлении значительно осложнил обстановку. Появление противника в районе Калинина, бесспорно, грозило охватом Москвы с севера и северо-востока и, кроме того, создавало угрозу тылам Северо-Западного фронта.

Планируемый гитлеровским командованием охват Москвы с севера и северо-востока, выход немецких войск в

район Валдая для объединения с северной группой армий и полного окружения Ленинграда чудился врагу близким к осуществлению.

В этой обстановке Ставка приняла ряд срочных мер, чтобы ликвидировать прорыв противника на калининском направлении и устранить опасность охвата Москвы с севера.

Во-первых, было решено, что дивизии, в свое время направленные моим распоряжением с правого крыла Западного фронта на Можайскую линию обороны, должны следовать через Калинин и там задержаться. Удалось задержать две дивизии: 5-я дивизия подходила к Калининскому району, а 133-я была оставлена в районе Лихославля. 256-я стрелковая дивизия оставалась в составе 22-й армии.

Во-вторых, командованию Северо-Западного фронта было приказано срочно перебросить в район Калинина две стрелковые и две кавалерийские дивизии, 8-ю танковую бригаду под командованием П. А. Ротмистрова, мотоциклетный полк. Командование группой было возложено на начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. Части группы 15—16 октября должны были сосредоточиться в районе Вышний Волочек — Есеновичи.

Расскажу коротко о дальнейшем ходе военных действий на калининском направлении.

14 октября танковые и механизированные части гитлеровцев при поддержке авиации отбросили части 5-й дивизии, только что начавшей организовывать оборону, и ворвались в город Калинин.

Противник, заняв город, сразу же двинул часть сил по шоссе Калинин — Торжок, по которому в это время ему навстречу шла 8-я танковая бригада П. А. Ротмистрова. Произошел встречный бой, в результате которого противник был остановлен у Горбатого моста. 8-я танковая бригада перешла к обороне, оседлав шоссе Калинин — Ленинград. Рядом с ней перешли к обороне пограничники.

Одновременно часть сил противника устремилась по дороге на Бежецк. Здесь их встретили подходившие войска 256-й дивизии генерала С. Г. Горячева, которые не допустили врага на восточный берег Волги.

Частью сил фашисты двинулись на юг по Московскому шоссе. Тут им преградили путь войска 5-й стрелковой дивизии, 21-й танковой бригады и некоторые части 30-й армии, отошедшие к Калининскому району. Здесь боем лично руководил командарм В. А. Хоменко.

Захват врагом Ржева и Калинина значительно осложнил общую обстановку на правом крыле Западного фронта. Нужны были дополнительные и срочные мероприятия, чтобы остановить гитлеровцев на калининском направлении.

В этой сложной обстановке Ставка Верховного Главнокомандования 17 октября приняла решение о создании Калининского фронта. Это было важное и своевременное мероприятие. Оно дало возможность надежно укрепить центральный участок нашего стратегического фронта, прочно связав его с северо-западным направлением.

Противник, встретив упорное сопротивление наших войск в районе Калинина, начал подтягивать главные силы 9-й армии, поставив ей задачу уничтожить советские войска, действовавшие в районе Торжка, Калинина, и в дальнейшем наступать в общем направлении на Вышний Волочек в тыл Северо-Западного фронта.

Одновременно 3-я немецкая танковая группа Гота, взаимодействуя с частями 9-й армии, также должна была нанести удар из района Калинина на Вышний Волочек вдоль Ленинградского шоссе.

Немецко-фашистское командование надеялось этими операциями окружить войска Калининского и Северо-Западного фронтов и обеспечить глубокий обход Москвы с севера. Создав превосходство сил, враг был уверен в успешном завершении операции.

Однако этот опасный план был сорван активной обороной и контрударами наших войск, их героизмом.

22 октября войска Калининского фронта силами 29-й, 30-й и 31-й армий начали наступать в районе Калинина, стремясь разгромить неприятеля и освободить город. Одновременно войска фронта отражали ожесточенные атаки противника, стремившегося к развитию успеха на торжокском направлении.

Бои приняли упорный и напряженный характер. Противник подтянул сюда новые дивизии. Калинин нам взять не удалось, но мы сковали значительные силы врага.

Активные действия войск Калининского фронта в октябре заставили немецко-фашистское командование перейти здесь к обороне и держать крупные силы — 9-ю армию и главные силы 3-й танковой группы — для прикрытия левого фланга группы армий «Центр», что ослабляло главную группировку врага, наносившую удар на Москву. Войска фронта продолжали угрожать левому флангу группы армий

«Центр». Они по-прежнему занимали выгодное оперативное положение, «нависали» над противником.

Полностью провалились все попытки фашистов прорваться в районе Торжка и изолировать друг от друга войска Северо-Западного и Калининского фронтов.

Однако обстановка оставалась по-прежнему напряженной.

В первой половине ноября немецко-фашистское командование сосредоточило на участке от Калинина до Ошейкина 3-ю танковую группу и 27-й армейский корпус. Всю эту группировку, в которую входили три пехотные, одна моторизованная и две танковые дивизии, гитлеровцы двинули в наступление в общем направлении на Клин с задачей последующего развития успеха по правому берегу Волги на Ярославль и Рыбинск. Ударной группировке противника противостояла здесь наша ослабленная в предыдущих боях 30-я армия.

Наступление началось 15 ноября на участке севернее и южнее Волжского водохранилища. Наши воины мужественно встретили атаки врага. В течение всего дня шли упорные бои. На участке севернее Волжского водохранилища фашисты несколько потеснили наши части, но прорвать фронт им не удалось.

Южнее Волжского водохранилища, на рубеже реки Ламы, в этот же день наступление 56-го моторизованного немецкого корпуса было отбито доблестными действиями 107-й мотострелковой дивизии под командованием полковника П. Г. Чанчибадзе. До середины дня 16 ноября дивизия упорно сдерживала натиск врага. Однако во второй половине дня противнику удалось форсировать реку Ламу и захватить Дорино и Покровское.

Для объединения усилий по отражению наступления северной группировки противника и удобства в управлении войсками 30-я армия Калининского фронта распоряжением Ставки 17 ноября была передана в состав Западного фронта.

Бои продолжались, и в ходе их воины Калининского фронта сделали все возможное, чтобы остановить натиск превосходящих вражеских сил.

Большую работу по организации отпора врагу провела Калининская областная партийная организация. Трудящиеся города и области, коммунисты и комсомольцы, руководимые Калининским областным комитетом партии (секретарь обкома ВКП(б) И. П. Бойцов), активно участвовали вместе с

войсками в отражении атак врага, строили оборонительные рубежи, окопы, ремонтировали дороги. Так как за такое короткое время мы не сумели организовать своего фронтового тыла, то громадную помощь в организации снабжения войск оказывали нам областные организации.

К декабрю 1941 года войска Калининского фронта не имели численного превосходства в силах и средствах над противостоящей им 9-й армией врага. Однако Ставка Верховного Главнокомандования считала возможным предпринять контрнаступление и на нашем фронте. Мы тоже считали это правильным, учитывая, что войска нашего фронта занимали выгодное оперативное положение, глубоко охватывая с севера вражеские войска, наступавшие на Москву. Мы знали, что в результате наших активных действий 9-я немецкая армия была развернута на широком фронте в одну линию, что войска ее уже начали выдыхаться. Момент был подходящий для перехода в контрнаступление.

В наших войсках, хотя и понесших значительные потери, настроение было боевое.

Перед фронтом стояла задача выйти во фланг и тыл войскам врага, наступавшим от Клина на Дмитров и Москву. Своим наступлением войска фронта должны были помочь Западному фронту в уничтожении северной ударной группировки противника.

Для наступления привлекались две армии — 29-я и 31-я.

31-я армия сосредоточилась в районе Поддубье, Тинишкино, Шестино, к юго-востоку от Калинина, и совместно с 30-й армией Западного фронта наносила удар в общем направлении на юг с выходом на линию Микулино — Городище — Туршиново. 29-я армия частью сил оборонялась на правом фланге, а юго-западнее Калинина, в районе Красново, ее ударная группировка в составе трех стрелковых дивизий наступала на Даниловское, чтобы во взаимодействии с 31-й армией освободить Калинин. В ходе операции пришлось делать поворот части сил 31-й армии на Калинин, так как 29-я армия действовала недостаточно организованно и напористо.

На главном направлении, в 31-й армии, прорыв намечался шириной 6 километров. Здесь было сосредоточено 280 орудий с плотностью до 45 стволов на километр фронта. Бедно, конечно, по сравнению с последующими — Висло-Одерской и другими операциями. Танков вначале не было: назначенные в состав фронта два танковых батальона, имев-

шие 50 танков, к началу операции опоздали. Очень слабой была и авиационная поддержка.

Наступление началось 5 декабря, но оно проходило в медленном темпе — нас задерживало форсирование Волги. Войскам приходилось преодолевать упорное сопротивление врага с хорошо подготовленной обороной и отражать многочисленные контратаки. Только за 7—9 декабря было отражено около 20 таких контратак.

К исходу 9 декабря соединения армии прорвали вражескую оборону на глубину 15 километров, расширили прорыв до 20 километров, перерезали дороги — Калинин — Москва, Калинин — Туршново и преодолели всю тактическую зону обороны противника.

Между тем противник отбросил обратно на левый берег Волги переправившиеся части 29-й армии. В этих условиях рассчитывать, что 29-я армия возьмет Калинин, было нельзя. К тому же фашисты срочно подтягивали дополнительно две дивизии на фронт 31-й армии. Становилось очевидным, что, пока не будет освобожден Калинин, дальнейшее наступление главных сил 31-й армии в юго-западном направлении будет невозможно.

Поэтому я приказал командующему 29-й армией, усилив ее 375-й стрелковой дивизией из резерва, произвести перегруппировку сил и наступать в направлении на Даниловское с целью отрезать противнику пути отхода на запад и юго-запад. 31-я армия также была усилена двумя дивизиями и своей ударной группировкой (в составе четырех дивизий, двух танковых батальонов и трех лыжных батальонов, двух артполков резерва Верховного Главнокомандования, двух дивизионов реактивной артиллерии) совместно с войсками 29-й армии должна была завершить окружение противника в районе Калинина, а остальными силами продолжать наступление в юго-западном направлении.

Враг цепко держался за Калинин. Но 31-я армия, хотя и медленно, продвигалась вперед. К исходу 15 декабря фашистское командование полностью израсходовало все свои резервы. Его группировка в самом городе и южнее была охвачена с обоих флангов. Положение немецко-фашистских войск в районе Калинина осложнялось и тем, что 30-я армия Западного фронта в это время успешно продвигалась к реке Ламе и грозила выходом в тыл 9-й армии врага.

В ночь на 16 декабря, после того как гитлеровцам удалось вынудить 246-ю дивизию 29-й армии оставить Дани-

ловское и отойти к Волге, вражеские войска начали отход из Калинина. Чтобы вырваться из грозящего им окружения, гитлеровцы были вынуждены бросить значительное количество материальной части и боевой техники.

16 декабря Калинин был освобожден в результате совместных действий войск 29-й и 31-й армий.

Обращаясь к тем трудным дням, я с большой признательностью вспоминаю работу члена Военного совета фронта Дмитрия Сергеевича Леонова. Он вместе со всеми политработниками фронта сделал очень много, чтобы вселить в войска уверенность в победе, воспитать у воинов стойкость и мужество. Добрым словом хочется помянуть инициативных работников штаба фронта, а также командиров отличившихся частей и соединений: В. А. Юшкевича, Д. Д. Лелюшенко, В. И. Вострухова, В. И. Швецова, П. А. Ротмистрова, С. Г. Горячева и многих, многих других.

Несмотря на ряд существенных недостатков в организации наступления войск фронта, освобождение Калинина было крупным оперативным успехом наших войск. Это упрочило положение правого крыла Западного фронта, создало предпосылки для нового, более мощного наступления, которое потом и развернулось в связи с возвращением в состав Калининского фронта 30-й армии, а также прибытием из резерва Ставки 39-й армии.

С 5 декабря по 7 января войска Калининского фронта продвинулись на запад на 120—150 километров, вышли в район Ржева, овладели Старицей, освободили множество населенных пунктов.